

Отдел газетных вырезок

Мосгоссправка НКС

Улица Кирова, 26-б

Тел. 96-69

Вырезка из газеты

Вечерняя Москва

Москва

от

3 - апр 1936

Газета №

ДВА МУЗЫКАНТА

1. АЛЬФРЕД КОРТО

ФРАНЦУЗСКОЕ исполнительство последних десятилетий складывалось под значительным влиянием музыкального импрессионизма и его крупнейшего представителя Клода Дебюсси. Однако исполнительским импрессионизмом не исчерпываются исполнительские направления современной Франции. И игра Альфреда Корто, крупнейшего французского пианиста, убедительно доказывает это.

Корто любит Дебюсси, прекрасно играет его, но основные истоки пианизма Корто все же не импрессионистическое искусство Дебюсси с его широким музыкальным полудением. Пианизм Корто бесспорно связан с музыкальным романтизмом, выдвинувшим таких фортепьянных композиторов, как Шуман, Шопен, Лист, таких величайших исполнителей, как Шопен, Лист, Рубинштейн.

О тяготении Корто к романтическому искусству ясно говорят уже программы его выступлений, почти целиком составленные из произведений Шумана и Шопена. Свои романтические симпатии он вполне четко высказывает и в своих лекциях о музыкальной интерпретации. Корто борется за «поэтическое исполнение». Он объявляет войну искусству для развлечения, совершенству кружевной игры, где отсутствует душа.

О неменьшей энергией Корто выступает и против сухого рационализма. Его не удовлетворяет анализ аналитический, разрезающий труп на части, надеется найти источник жизни.

В каждом произведении Корто стремится создать цельный художественный образ, нередко кладя в основу своего исполнения глубоко субъективную программу. Корто сторонник, если так можно сказать, «программного исполнения». Созданный его фантазией образ должен помочь ему глубже и ярче передать содержание музыки. Корто не смущает даже, что его программное истолкование быть может не совпадает с авторским. Он говорит о сонате Листа своим ученикам: «Я снабдил ее программой, не уверенный, что то же думал и Лист, придумайте и вы что-нибудь свое».

Но убедительнее всего о романтизме Корто говорит его игра. Про нее никак нельзя сказать, что в ней «отсутствует душа». Игра Корто всегда одухотворена искренним чувством и глубокой мыслью. Правда, в его исполнении многое спорно. Странной кажется иногда чрезмерная аффектация его игры, слишком свободное гитаро, несколько вольное обращение с авторским текстом. Но все это искупается действительной, подлинной поэтичностью его игры.

Не все одинаково удается Корто. Крупная форма, видимо, ему менее близка, чем миниатюра. Арагонская Бетховена не произвела в исполнении Корто сильного впечатления. Гениальная b-moll'ная соната Шопена, несмотря на интереснейший исполнительский замысел, прозвучала неровно. Огромный масштаб этого замечательного произведения не был передан Корто. Зато изумительно были сыграны мелкие вещи — этюды и в особенности прелюдии Шопена, а также «Карнавал» Шумана (состоящий из целого ряда мелких пьес).

Корто лучше всего удается лирические миниатюры. Однако трудно назвать его пианистом — «лириком» и «миниатюристом» в том

смысле, в каком обычно понимаются эти определения. Игра Корто глубоко эмоциональна, но совершенно лишена сентиментальности, представление о которой неразрывно связано с представлением о «лирическом» пианисте. В музыкальную миниатюру Корто вкладывает так много мысли и чувства, что она как бы перерастает свои «миниатюрные» рамки и вырастает в крупнейшее по содержанию произведение. Таково, например, в исполнении Корто некоторые прелюдии Шопена, песня Шуберта — Листа, «Вечером» Шумана и др.

С чисто пианистической стороны исполнение Корто также не всегда ровно. В его игре было немало «сомнительных» мест. Ему совершенно чужд виртуозный блеск. Но Корто о необычайным искусством умеет передать легчайшую, ажурную ткань шопеновских пассажей, умеет придать им величайшую выразительность.

Изумительно звучит у Корто мелодия. Но не в смысле обычной кантилены. К Корто неприменимо выражение: «рояль поет под его руками». Под пальцами Корто рояль не поет, а говорит. Говорит то с нажимом и подъемом, то задушевно и интимным шепотом.

Все это позволяет несколько уточнить определение Корто как романтического исполнителя. В исполнении Корто чувствуются не столько листовские традиции, под влиянием которых так или иначе сложились почти все направления фортепьянной игры, а скорее традиции (конечно во многом «модернизированные») великого друга Листа — Шопена. И в этом большое своеобразие игры Корто.

А. ГРОМАН.

2. ЖАК ТИБО

После блестящего Корто — горячий, темпераментный, изысканный Тибо. Нельзя не порадоваться волнующему художественному знакомству с этими замечательными мастерами французской исполнительской культуры. С особенной яркостью черты ее проступают в обаятельном творческом облике Жака Тибо — одного из крупнейших европейских скрипачей, так хорошо знакомого нам по граммафонным записям, часто передаваемым по радио.

В большой, разнообразной и содержательной программе Тибо познакомил нас вчера со всеми сторонами своего разностороннего таланта. Уже с первых звуков «Чаконны» Витали, исполнявшейся первым номером, нас покоряют его певучий тон, его глубокий, художественный темперамент. Замечательное чувство ансамбля, большая творческая серьезность и проникновенность исполнения сонаты Цезаря Франка, глубокая человечность, простота и задушевность в передаче концерта Моцарта, филигранная звуковая живопись в несколько внешних и малосодержательной поэме Шимановского «Фонтан Ареуги», виртуозность и блеск в испанских танцах Гранадоса и де-Фалья, незабываемая грация и пленительность в исполненном на бис вальсе Брамса, после которого один из присутствовавших в зале скрипачей справедливо заметил: «Трудно сыграть это лучше». И «Танцующая кукла» Крейсера и другие исполненные по требованию публики вещи были сыграны с тем же изяществом и теплотой.

Приезд таких больших мастеров, как Тибо, кроме художественного наслаждения, которое доставляет его игра, значительно обогащает нашу исполнительскую культуру, давая образцы, на критическом осмыслении которых мы можем строить нашу творческую практику. То огромное количество талантов, которое выдвигают чуть ли не ежедневно из своей среды народы нашего великого Союза, требует к себе большого внимания и большой культурной работы. Встречи с такими артистами, как Тибо, конечно, воспитывают в них чувство художественного вкуса и большое желание работать над собой. Приятно было видеть вчера в Большом зале консерватории чуть ли не всю скрипичную армию Москвы во главе с Ойстрахом и Бусей Гольдштейном и многих исполнителей других «родов оружия».

Нельзя только не выразить удивления по поводу того, что одновременно присутствие в Москве таких замечательных мастеров ансамбля, как Тибо и Корто, не использовано для устройства одного или даже нескольких сонатных вечеров, недостаток в которых так остро ощущается в нашей концертной практике. Странно также, что Тибо не выступает с оркестром, исполняя целый ряд концертов (Вивальди, Моцарт, Мендельсон) под рояль, тем более, что в эти же дни в концерте Дефо один из наших скрипачей играет с оркестром ту же «Испанскую симфонию» Лало, которая значится в программах Тибо.

Борис ГУСМАН